

14 февраля 1956 года открылся XX съезд КПСС. На его первом заседании отец зачитал отчетный доклад. Именно зачитал, никаких отступлений, даже он, любитель импровизаций, тут себе позволить не мог. Доклад занял целый день. Домой отец вернулся смертельно усталый, но чрезвычайно довольный. Он просто сиял. Сделать отчет съезду – ничего более почетного просто невозможно себе вообразить.

По своей сути отчетный доклад – коллективное творчество. Писался он так: отец, как и до него Сталин, обозначал приоритеты, задавал тон. Затем разделы доклада: народное хозяйство, партийное строительство, вопросы теории, международное положение начинали готовить в соответствующих отделах ЦК. Отец дирижировал процессом еженедельно, а к концу работы и чаще, обсуждал заготовки то с одним отделом, то с другим, критиковал, что-то выбрасывал, что-то менял, тут же сам надиктовывал десятки страниц. Затем материал уходил на доработку и вновь возвращался к отцу. Когда доклад обретал форму, его обсуждали, поднимаясь шаг за шагом по ступеням бюрократической иерархии: отделы ЦК, секретариат ЦК и, наконец, Президиум ЦК.

На этот раз страсти вокруг доклада разгорелись нешуточные, отец усомнился в истинности краеугольных идеологических догм: неизбежности революции и неотвратимости войны между странами социализма и капитализма. Тридцать лет назад его увлекла теория «перманентной революции» Троцкого, призывавшего разнести революцию по всем континентам, установить там силой новый, прогрессивный миропорядок. Теперь он рассуждал иначе.

– С какой стати нам воевать за лучшую жизнь для англичан, американцев или французов? Мало мы положили жизней в прошлой войне? Когда они увидят, что мы зажили лучше их, то они сами выберут себе приличного президента и присоединятся к нам, – вслух рассуждал отец. – Пока же они живут лучше нас. Надо перестать истощать себя, тратить ресурсы на подготовку к войне, пусть и самой справедливой, напротив, следует сокращать расходы на оборону, сосредоточиться на развитии экономики. Победит тот строй, который предоставит людям лучшие условия жизни.

В том, что будущее за социализмом и коммунизмом, отец не сомневался, если мы, конечно, не наделаем непоправимых ошибок.

Тезис о неотвратимости нового апокалипсиса, битвы социализма с капитализмом за установление справедливости и равноправия в мире, отец считал не только разрушительным для нашей экономики в стратегическом плане, но и вредным тактически. Тем самым мы сами себя представляем агрессорами, даем противнику неоспоримые пропагандистские преимущества.

– Мы собираем подписи под Стокгольмским воззванием за мир, убеждаем людей, что хотим жить в мире, призываем к разоружению, – развивал свою мысль отец, – а они открывают наши главные партийные документы и читают там, что мы, согласно этим документам, готовимся к решительной вооруженной схватке с империализмом. Как после этого они нам поверят? Мы противоречим сами себе.

Обсуждения, которым я стал свидетелем, происходили по выходным во время прогулок на даче по дорожкам парка. Собеседниками отца оказывались или работники отделов ЦК, приехавшие доложить материалы к докладу, или просто гости, его коллеги по Президиуму. Я жадно ловил каждое слово. На лекциях по научному коммунизму нам втолковывали совсем другое. Я с трудом удерживался от искушения поделиться сносшибательными новостями со своими друзьями-студентами. Но разговоры отца с коллегами не для чужих ушей.

Отцу возражали по-разному. Чиновники рангом пониже, работники отделов в открытую с отцом не спорили. Они не то чтобы возражали, а крайне осторожно выражали сомнения в точности формулировок, их соответствии ленинским постулатам. Из коллег по Президиуму по убеждению соглашался с отцом только Микоян, поддерживали его и Маленков с Булганиным (они с отцом всегда соглашались), Молотов с Кагановичем высказывались резко против, остальные выжидали. Молотова с Кагановичем поддерживали идеологи-академики. Отказаться от привычных догм, взглянуть на мир по-новому бывает очень и очень трудно. Отец уважал теорию и теоретиков, но пока теория не расходилась со здравым смыслом. А сейчас она разошлась, и даже очень.

Окончательно расставили точки над «и» 30 января 1956 года, когда отец представил на одобрение Президиума ЦК сверстаный текст. Микоян предложил доклад «в основе одобрить, если есть замечания, передать их докладчику», то есть отцу, а он их учтет (или не учтет). Так поступали и перед XVIII съездом до войны, и перед XIX в 1952 году, но на сей раз Молотов с Кагановичем, соглашаясь, что «основа приемлема», тут же усомнились в приемлемости «еретических» положений, вписанных отцом.

– Стоит ли затрагивать программные вопросы: о парламентском, а не вооруженном пути захвата власти, о мирном, а не революционном развитии общества, о переходе от диктатуры пролетариата к всевластию народа, к демократии, – рассуждал Каганович, по сути, предлагая выхолостить доклад, свести его к бюрократическому отчету «о проделанной работе».

– Замечания кое-какие есть, – поддержал его Молотов, – полезно обменяться мнениями, а не просто принимать за основу.

– Есть ряд рискованных положений, сомнения есть, – почувствовав поддержку, осмелел Каганович, – в частности о неизбежности войны с империализмом. «Неизбежность» – принципиальный вопрос, мы не можем ревизовать объективные законы. На весь доклад только одна цитата из Ленина, и та перевернута.

Отцу подобрали цитату в подтверждение его тезиса о мирной уступке власти буржуазией, правда, у Ленина речь шла о малом государстве и при условии, что «большие» соседи пролетарскую власть уже установили. К сожалению, ничего более подходящего отыскать не удалось. Да и эту цитату пришлось оборвать, ибо после: «...возможна мирная уступка власти буржуазией, если она убедится в безнадежности сопротивления», – Ленин берет свои слова назад и заканчивает: «Гораздо вероятнее, что и в мелких государствах без гражданской войны социализм не осуществится и потому единственной программой интернациональной социал-демократии должно быть признание такой войны, хотя в нашем идеале нет мысли насилия над людьми».

– Не так цитируется Ленин, – продолжал напирать Каганович, – теперь о парламентской борьбе: рабочий класс может иметь большинство, а власть останется не рабочей. Возьмите хотя бы английских лейбористов. Не стесняясь надо сказать: мы за революцию, мы за диктатуру пролетариата.

– О войнах нечетко сформулировано, и почему бы тут не сослаться на Сталина? – подхватил эстафету Молотов. – О формах перехода к социализму. Социалисты у власти в Англии, Норвегии, Швеции, но это не путь к социализму. Вывод: «в прочный мир» без диктатуры – это упрощение.

Отец молчал, он заранее заручился поддержкой большинства.

– Мы отталкиваем массы, твердя: «Вот придем и начнем вас резать», – возразил Микоян. – Если не с социал-демократами, то с кем держать единый фронт? О не неизбежности войны правильно сказано.

– То, что Каганович говорил, у меня тоже отчеркнуто, – подал голос Ворошилов и тут же сменил тональность. – Держаться за старое нельзя. Положение доклада уживается с ленинскими мыслями.

– Мы можем предотвратить войну, – поддержал отца Маленков, он о том же самом говорил еще в 1954 году, – о парламентском переходе к социализму – правильно.

– Надо ли ставить эти вопросы? Они поставлены своевременно и правильно. – (Это уже слова Булганина.)

– Считаю постановку вопроса правильной, – вторит ему Сабуров.

– Существо доклада – правильно, не обязательно всем тыкать в лица «диктатурой пролетариата», – начал свое выступление Сулов. – И гражданская война не обязательна. Утверждать так, значит проявлять сектантство. Новая обстановка толкает нас к контактам с социалистами. Надо вносить новое.

– На старые формулы ссылаться нельзя, вопросы изложены правильно, – поддержал отца Первухин.

– Согласен с основными положениями доклада. Фатализм войны отвергаем. Товарищ Каганович не прав, – примкнул к отцу Шепилов.

– Легче всего повторять старое. Это духовное убожество, – рубил сплеча Кириченко.

– Постановка в докладе смелая и революционная. Ленин не случайно говорил о мирном пути развития революции, – подвел теоретическую базу Пospelов.

Аристов и Шверник тоже поддержали отца.

– Стремлюсь смягчить свои поправки, – сдал назад Каганович. – Но надо ли отменять марксистское положение о неизбежности войн? Нужно еще поработать над разделом о «революции» и «эволюции». Замечания учесть при работе над докладом и доложить. Все, что говорили, меня устраивает.

Молотов отмолчался.

Отец поставил доклад на голосование. Проголосовали единогласно «за».

Отец победил.

Съезд, вслед за отцом, выбрал *мир*, проголосовал, что мы более не считаем войну неизбежным способом разрешения противоречий между двумя системами – социализмом и капитализмом.

Отмена тезиса о неизбежности военного столкновения двух систем делала поворот к миру не только желанным, но и практически осязаемым.

Революция, вооруженное восстание как единственно возможный способ смены капиталистического строя социалистическим тоже переставала считаться единственно правильной. На ее место приходили выборы в буржуазные парламенты, которые в недавнем прошлом приравнивали к предательству.

Высший форум партии своим авторитетом санкционировал новый подход к отношениям между двумя мирами, превратил ересь в «новое слово в развитии теории марксизма». Теперь и мирное сосуществование, и сокращение вооруженных сил, и переговоры на Западе и Востоке из области тактических уловок в борьбе с империализмом переходили в стратегическую линию политики Советского Союза. И как следствие, сразу после съезда, на Совещании представителей коммунистических партий – они съехались в Москву тоже по предложению отца – решили ликвидировать Коминформ, созданный Сталиным в 1947 году. Вместо него, бюрократически-полицейского, по словам отца, органа, учредили научно-теоретиче-

ский журнал «Проблемы мира и социализма». Редакция журнала разместилась не в Москве, а в Чехословакии, в Праге.

После отстранения отца от власти журнал превратится в последний оплот коммунистов-реформаторов.

Современному читателю происходившие в 1956 году баталии кажутся несколько наивными, но тогда слова отца прозвучали откровением и отозвались многоголосным эхом — одни вздохнули с облегчением, другие шептались по углам о его ревизионизме. Хуже обвинения в те ранние послесталинские годы и придумать невозможно. Еще недавно за ревизионизм судили, и судили безжалостно. Конечно, в открытую отца ревизионистом никто не называл, он же глава партии. По сути, отец и был ревизионистом, ревизия тормозящих развитие общества догм — это и есть реформа. В этом смысле ревизионист и реформатор — слова-синонимы.

Вот только в советском лексиконе они звучали антонимами.

Возведение в закон тезисов о мирном сосуществовании двух систем, о возможности предотвращения войн в современную эпоху, о мирном переходе к социализму, на мой взгляд, явление не менее значимое, чем разоблачение преступлений Сталина.